

Ингибитор не подействовал сразу. Чи Яньчжи беспомощно свернулся калачиком на полу, из горла вырвался хриплый стон.

Стены в этой гостинице были тонкими, а постояльцев — много. Чи Яньчжи слышал, как кто-то проходит мимо его двери, и до боли закусил губу, не желая больше издавать ни звука.

Шаги за дверью сливались в нестройный шум, который в его затуманенном сознании то отдавался гулом прямо в барабанных перепонках, то доносился словно с края света.

Всё плыло, перед глазами кружилась карусель.

Чи Яньчжи смутно припомнил: он забыл, что после слишком частых инъекций сильных ингибиторов у него не только выработалось привыкание, но и началась непереносимость препарата.

Его прежде крепкий организм оказался окончательно подорван, и теперь он даже не знал, кого винить в своих бедах.

Размытый свет за окном дробился в глазах. Чи Яньчжи мотнул головой, тщетно пытаясь разогнать черную пелену.

Неизвестно, сколько прошло времени, прежде чем лекарство наконец подействовало. Чи Яньчжи, лежа на спине, сделал судорожный вдох. Он хотел перебраться на кровать, но сил не осталось, и он просто закрыл глаза прямо на полу.

Как же я устал...

Впрочем, эффект оказался недолгим: спустя два часа тело Чи Яньчжи снова охватил жар.

От высокой температуры пол, казалось, перестал быть холодным и превратился в раскаленную плиту.

Чи Яньчжи бессмысленно смотрел в потолок, подавляя в себе неистовое возбуждение и жажду. У него не было сил даже на борьбу.

Железа и без того ныла.

А в период течки, не получив облегчения, она болела еще сильнее.

Как же больно...

В полузабытии Чи Яньчжи услышал стук в дверь. Он затаил дыхание, не отзываясь.

— А-Янь? А-Янь! Ты там? Я пришел, открой скорее...

Голос альфы заставил глаза Чи Яньчжи вспыхнуть. Собрав последние силы, он поднялся и, опираясь на стену, побрел к выходу.

В дверь снова забарабанили:

— А-Янь? Ты в порядке?

Две слезы скатились по бледным щекам. Чи Яньчжи приоткрыл пересохшие губы и послушно прошептал:

— В порядке...

На самом деле всё было плохо, но стоило ему прийти, как всё сразу наладилось.

Чи Яньчжи прижался спиной к двери, с опаской глядя на дверное полотно:

— Лу Хэн? Это ты?

— Я, А-Янь. Открывай, дай мне на тебя посмотреть.

Слезы хлынули потоком. Обида, копившаяся с начала болезни, достигла предела. Чи Яньчжи сжал дверную ручку и потянул её вниз.

Он был готов принести себя в жертву. Он хотел, отбросив остатки гордости, спросить, нельзя ли обойтись без развода.

Он хотел выплеснуть всю свою боль Лу Хэну.

Он хотел умолять своего альфу хоть о капле утешения.

Лу Хэн пришел за ним... Чи Яньчжи был готов простить всё.

Он резко распахнул дверь:

— Лу...

В коридоре было пусто.

Чи Яньчжи почувствовал, будто его вознесли на вершину облаков, а затем с силой сбросили вниз.

Он держался за дверной косяк, глядя на пустой коридор. Надежда рухнула. На губах заиграла горькая улыбка.

Ну конечно.

Именно так и должно быть.

Лу Хэн никогда его не любил, с чего бы ему заботиться о том, где он и не начался ли у него гон? К тому же, Лу Хэн сейчас должен быть в больнице.

Душный летний воздух коридора пробрал Чи Яньчжи до костей.

Он вышел из номера и медленно побрел по коридору. Его шаги были такими неспешными, что это скорее походило на медленное волочение ног.

Хорошо, что посреди ночи никого не было, иначе его наверняка сочли бы сумасшедшим.

Боль была такой невыносимой, что он на мгновение забыл, куда направлялся.

Чи Яньчжи словно бросало то в жар, то в холод. Его прошибал холодный пот, желудок сводило спазмами. Только дойдя до туалета, он вспомнил, что его тошнит.

В пустом желудке ничего не было, кроме желчи, которая жгла горло.

Он опустился на пол, упершись лбом в стену, словно пытаясь выbleвать всю накопившуюся за жизнь горечь.

Вернувшись в полуобморочном состоянии, он прошел мимо номера, где как раз выселялись постояльцы, и дверь была приоткрыта.

Чи Яньчжи бросил взгляд внутрь.

Лу Хэн лежал на больничной койке, одаривая собеседника мягкой улыбкой, которой никогда не устаивал его самого, и свободной от капельницы рукой ласково ерошил волосы человека рядом.

Сидевший рядом, видимо, почувствовал взгляд Чи Яньчжи, обернулся и вызывающе усмехнулся.

Это был Чи Шаоань.

Тело Чи Яньчжи снова задрожало — он не мог понять, от боли или от ярости.

Лу Хэн за спиной Чи Шаоаня тоже посмотрел в его сторону, но тут же отвел взгляд, на его лице застыло неприкрытое отвращение.

Хорошо. Прекрасно.

Чи Яньчжи с трудом отступил на несколько шагов. Сознание помутилось, мозг отказывался работать, он не мог даже осмыслить, правда ли это.

Он знал лишь одно: Лу Хэн постучал в его дверь, выманил его, чтобы он увидел эту картину.

Снова обманул.

Истинным было только отвращение, а всё хорошее — лишь ложь.

Чи Яньчжи подумал: какой же тяжкий грех он совершил, раз его так наказывают?

В его всегда мягком и нежном сердце родилась жгучая ненависть, затмившая физические страдания.

Чи Яньчжи, пошатываясь, влетел в свой номер.

К черту течку, к черту феромонное утешение, к черту любимого человека.

В эту минуту Чи Яньчжи хотел лишь одного — покончить со всем этим.

Он вытряхнул из сумки пять или шесть ампул сильного ингибитора и, не колеблясь, ввел их все сразу в железу.

Надоело.

Мир, который он так искренне любил, не был добр к нему, так пусть он сам откажется от себя.

Тело словно бросили в море огня. Глаза Чи Яньчжи налились кровью, в прежде спокойном и холодном взгляде читалось безумие.

Нет, этого мало.

Он выудил несколько таблеток ингибитора, дрожащими руками разорвал упаковку и проглотил всё разом.

Обычно пероральные и инъекционные препараты, особенно сильного действия, нельзя принимать вместе.

Принципы действия у них разные, и в организме они вступают в опасную реакцию.

При отдельном введении инъекции действуют медленно, но при злоупотреблении реакция наступает мгновенно. Боль нахлынула, словно прилив.

Лицо Чи Яньчжи стало мертвенно-бледным, холодный пот приклеил пряди волос к коже. Лицо исказилось в гримасе муки, он катался по кровати, судорожно хватая ртом воздух, словно кто-то сдавил ему горло.

Очень больно.

Больнее, чем всё, что он когда-либо испытывал.

Он хотел закричать, но крохи разума напоминали: стены тонкие, другим постояльцам нужен отдых.

Сердце ныло, желудок скрутило, всё тело пронзало болью. Он отчетливо чувствовал, как из железы сочится кровь, но сил позаботиться об этом не было.

Казалось, его пронзают тысячи игл, каждый нерв перерезают лезвиями, вся кровь вытекла из тела, а от холода и боли его колотило в конвульсиях.

Душа была разорвана на части, сердце превратилось в кровавое месиво. Чи Яньчжи бессмысленным взглядом уставился в окно, а в следующую секунду бросился к старому раздвижному проему и распахнул его.

Пятый этаж.

Каждая клетка его тела кричала и манила его прыгнуть. Он смотрел на землю в десяти с лишним метрах внизу, и безумная улыбка в его глазах становилась всё глубже.

Если он никому не нужен, то его исчезновение ничего не изменит, правда?

Тело, напившись последним всплеском сил, позволило ему взобраться на подоконник.

<http://bllate.org/book/20237/2016178>